

Список литературы:

1. Копылова, О.П. Проверка заявлений и сообщений о преступлениях. Монография. - Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2010. - С.8
2. Арестова Е.Н. и др. Предварительное следствие: Учебник. М.: Юнити-Дана, 2017. С.232.
3. Калюжный А.Н. Предварительная проверка сообщений о преступлениях: понятие и этапы производства.// *Юридическая наука.* 2013. № 1. С. 62.
4. Обязанность передавать сведения подобного характера в территориальные органы МВД РФ установлена Приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации (Минздравсоцразвития России) от 17 мая 2012 г. N 565н "Об утверждении Порядка информирования медицинскими организациями органов внутренних дел о поступлении пациентов, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что вред их здоровью причинен в результате противоправных действий"
5. В ходе исследования были изучены материалы 60 уголовных дел об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, рассмотренных судами первой инстанции за период с 2012 по 2017гг.
6. Уголовное дело 1-234/2013. Архив Центрального районного суда г. Калининграда.

УДК 343. 26

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

**ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО
МОНИТОРИНГА К ОСУЖДЕННЫМ, ОТБЫВАЮЩИМ ОГРАНИЧЕНИЕ
СВОБОДЫ**

Рахматулин Закир Равильевич

старший преподаватель кафедры государственно-правовых
и отраслевых юридических дисциплин
ФГБОУ ВО Красноярский ГАУ Ачинский филиал
Россия, г. Ачинск

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы реализации электронного мониторинга в отношении лиц, осужденных к ограничению свободы. Предприняты попытки по оптимизации порядка применения технических устройств с учетом индивидуального прогнозирования поведения отдельных категорий осужденных, высказаны суждения о нецелесообразности установки средств фиксации к некоторым из них. В тексте работы анализируются также и иные меры государственного принуждения, схожие с ограничением свободы. С учетом комплексного анализа вопросов применения уголовно-исполнительными инспекциями электронного контроля, предлагаются новеллы законодательного характера, направленные на оптимизацию рассматриваемой деятельности.

Ключевые слова: ограничение свободы, электронный мониторинг, ограничения, обязанности, нарушения, криминологический рецидив.

**PERSPECTIVE QUESTIONS OF APPLICATION OF ELECTRONIC MONITORING
TO THE CONVICTS LEAVING RESTRICTION OF FREEDOM**

Rakhmatulin Zakir R.

senior teacher of department of state and legal and branch legal disciplines
of Krasnoyarsk state agrarian university Achinsk branch
Russia, Achinsk branch

Abstract: in article questions of realization of electronic monitoring concerning the persons condemned to restriction of freedom are considered. Attempts on optimization of an order of use of technical devices taking into account individual forecasting of behavior of separate categories of convicts are made, judgments of inexpediency of installation of means of fixing to some of them are stated. In the text of work are analyzed as well other measures of the state coercion similar to restriction of freedom. Taking into account the complex analysis of activities for application of electronic control by ugo-lovno-executive inspectorates, the short stories of legislative character directed to optimization of the considered activity are offered.

Keywords: restriction of freedom, electronic monitoring, restrictions, duties, violations, criminological recurrence.

Ограничение свободы как вид уголовного наказания закреплено в ст. 53 УК РФ, процесс его исполнения и отбывания урегулирован в Главе 8 УИК РФ. Оно действует с 2010 года и в юридической литературе не всегда оценивается положительно. Так, одни исследователи считают, что оно малоэффективно[5], другие и вовсе предлагают от него отказаться[6]. Безусловно, явным недостатком законодательной конструкции ограничения свободы следует считать то, что оно во многом схоже с иными мерами, закрепленными в нормах уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального и административного законодательства. Кроме этого, показатели применения ограничения свободы в настоящее время являются низкими, поскольку его удельный вес в системе иных наказаний за весь период действия не превышал 5 %. В 2010 году, согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в качестве основного наказания он составил 0,9 %, в 2011 г. - 1,4 %, в 2012 г. - 3,4 %, в 2013 г. - 4,4 %, в 2014 г. - 3,8 %, в 2015 г. - 3,2 %, в 2016 г. - 3,5 %, 2017 г.- 3,6 %[4]. В качестве дополнительного он и того меньше, в 2010 г. - 0,2 %, в 2011 г. - 0,6 %, в 2012 г. - 0,8 %, в 2013 г. - 0,9%, в 2014 г. - 1,0%, в 2015 г. - 1,2 %, в 2016 г. - 1,2%, 2017 - 1,3 %. Однако не смотря на это, такая законодательная конструкция довольно востребована и в настоящее время, поскольку, в апреле 2018 года в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации появилась мера, содержание которой во многом схоже с наказанием, закрепленным в ст. 53 УК РФ. Так, федеральным законом от 18.04.2018 N 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» в УПК РФ введена мера пресечения в виде запрета определенных действий. В части 6 ст. 105¹ УПК РФ закреплено, что «Суд с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого, фактических обстоятельств уголовного дела и представленных сторонами сведений при избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий может возложить следующие запреты:

1) выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях;

2) находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;

3) общаться с определенными лицами;
4) отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;
5) использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»;

б) управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств». Кроме этого, в ч. 7 указанной нормы ведется речь о том, что «В постановлении суда об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий указываются конкретные условия исполнения этой меры пресечения с учетом возлагаемых запретов (адрес жилого помещения и периоды времени, в течение которых запрещено покидать жилое помещение, район, населенный пункт, с которыми связаны запреты, места, запрещенные для посещения, данные о расстоянии, ближе которого запрещено приближаться к определенным объектам, лицам, с которыми запрещено общаться, срок применения запрета, способы связи со следователем, с дознавателем и контролирующим органом, другие условия), а также обязанность подозреваемого или обвиняемого самостоятельно являться по вызовам дознавателя, следователя или суда. Подозреваемый или обвиняемый может быть подвергнут судом всем запретам, предусмотренным частью шестой настоящей статьи, либо отдельным из них». Но вызывают критику длительные сроки применения отдельных запретов, которые могут достигать трех лет. Ограничение свободы как уголовное наказание может назначаться на срок до четырех лет. Представляется, что такие длительные сроки применения мер пресечения нельзя назвать оптимальными, а опыт их применения не будет удачным. В этом случае, суд должен это учитывать, а следовательно, не применять меру, закрепленную в ст. 105¹ УПКРФ, на столь длительный период.

Отметим также, что реализация данной меры тоже связана с применением электронного мониторинга к подозреваемым и обвиняемым. В связи с этим, наработанный опыт осуществления контроля над осужденными может быть востребован не только на стадии исполнения приговора, но и уголовного судопроизводства в целом. Не исключено, что в перспективе могут появиться меры, сходные по содержанию с ограничением свободы, или к осужденным, отбывающим иные наказания, не связанные с изоляцией от общества, могут применять систему электронного мониторинга подконтрольных лиц (Далее – СЭМПЛ). Главным, на наш взгляд, является вопрос о том, к каким осужденным следует применять средства фиксации?

В связи с этим, целесообразно рассмотреть вопросы криминологической обоснованности применения системы электронного мониторинга подконтрольных лиц, определиться с этим понятием. Приведем определения, которые имеются в юридической литературе и использованы при изучении административного надзора[3]. А.А. Пропостин и А.Д. Никитин указывают, что «криминологическая обоснованность постпенитенциарного административного надзора заключается в оптимальном (необходимом и достаточном) определении круга лиц, в отношении которых он должен устанавливаться. Одним из важных критериев для его установления должно служить поведение осужденных, дающее основание с большей степенью вероятности предполагать возможность совершения ими новых преступлений после освобождения» [3, С.40].

Данные идеи позволяют сделать вывод о том, что нет необходимости в реализации ко всем осужденным средств электронного мониторинга. В юридической литературе высказаны аналогичные мнения. Р.В. Комбаров ведет речь о том, что применение технических средств ко всем осужденным нецелесообразно[2]. Автор предлагает их использование только в случае вынесения в отношении лица меры взыскания в виде официального предупреждения[2].

Однако применение СЭМПЛ, по-нашему мнению, должно основываться на социально-криминологических основах функционирования непенитенциарного режима ограничения свободы.

Во-первых, уровень рецидивной преступности осужденных к ограничению свободы, к которым применялись средства электронного наблюдения, ниже, чем этот показатель у лиц, в отношении которых мониторинг не осуществлялся. О.Л. Дегтярева, анализируя ведомственную статистику, отмечает, что «согласно данным 2013 года, уровень рецидивной преступности осужденных к ограничению свободы, отбывавших наказание с применением СЭМПЛ, составил 1,25 %, в то время как аналогичный показатель для осужденных, отбывавших наказание в виде ограничения свободы без использования электронных средств персонального надзора и контроля, составил 2,09 % (из 24 411 человек, отбывавших наказание с применением электронных средств персонального контроля и надзора, 304 совершили повторные преступления после постановления на учет; из 37 324 осужденных, отбывавших наказание без применения СЭМПЛ, уголовные дела за преступления, совершенные после постановления на учет, возбуждены в отношении 780 человек)»[1]. По данным статистической отчетности в 2014 году уровень повторной преступности осужденных к ограничению свободы составляет 1,56 % (1 044 человека), уровень повторной преступности осужденных к ограничению свободы, к которым применены электронные средства надзора и контроля СЭМПЛ, составил – 1,39 % (386 человек).

В-вторых, СЭМПЛ обеспечивает то, что количество осужденных, злостно уклоняющихся и скрывающихся от отбывания наказания, становится в 4 раза меньше. Так, в 2014 году, после постановления на учет, от контроля УИИ скрылись и были объявлены в розыск 849, или 1,27 %, осужденных к ограничению свободы. При том, что с электронными браслетами уклонились от контроля УИИ и объявлены в розыск – 81 чел., или 0,29 %.

В-третьих, с 2011 года с помощью СЭМПЛ было выявлено более 30 тыс. нарушений. В ходе контроля осужденных к ограничению свободы в 2014 году при помощи их было выявлено 14 000 нарушений или 62 % от общего количества выявленных нарушений. По результатам собранных при помощи электронных средств доказательств 1 878 осужденных были направлены в места лишения свободы, 4 299 осужденным по представлениям УИИ вменены дополнительные ограничения. Эти сведения основываются на статистической отчетности Федеральной службы исполнения наказаний.

Следовательно, определенный потенциал предупреждения нарушений и рецидивной преступности с помощью СЭМПЛ имеется. В связи с этим необходимо выработать рекомендации по более точному использованию технических средств.

Выделим группу лиц, к которым не стоит применять СЭМПЛ. Для этого необходимо привести показатели тех виновных, которые были признаны злостными нарушителями непенитенциарного режима отбывания ограничения свободы либо совершили преступление в период отбывания наказания или после его отбытия в течение двух лет.

Как показало исследование, (изучено 438 личных дел осужденных, состоящих на учетах в уголовно-исполнительных инспекциях по Красноярскому краю в период с 2013 - 2017 гг.), среди нарушителей непенитенциарного режима отбывания ограничения свободы преобладают лица, совершившие преступления против собственности (50,3 %), жизни и здоровья (16 %), незаконного оборота наркотиков (7,9%). Наиболее законопослушные осужденные отбывают наказание по ст. ст. 222 УК РФ (3,1 %), 264 УК РФ (3,1 %), 238 УК РФ (1,6 %), 273 УК РФ (1,6 %).

Следующий блок осужденных – это лица, совершившие преступления в период отбывания ограничения свободы (основная группа), их мы сравнили с общим массивом виновных, состоящих на учетах в уголовно-исполнительных инспекциях (контрольная группа). По итогу получилось, что в структуре первичной преступности кратно в сравнении с основной группой возрастают преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 166 (43 % против

5,7 %), ч. 1 ст. 158 УК РФ (24,2 % против 14,2 %), ч. 1 ст. 161 УК РФ (12,6 против 2,08 %), ч. 1 ст. 228 УК РФ (24,18 % против 28 %).

Наиболее благополучными с этой точки зрения считаются осужденные за преступления против общественной безопасности и общественного порядка, порядка управления, компьютерной информации, безопасности движения и эксплуатации транспорта – они в период отбывания наказания не совершали преступлений, однако были замечены в нарушении непенитенциарного режима отбывания ограничения свободы.

Следовательно, применение СЭМПЛ в отношении лиц, осужденных по ч. 1 статьи 264 УК РФ, ч. 1 ст. 222 УК РФ, против порядка управления, компьютерной безопасности нецелесообразно. Это позволит приобрести дополнительные средства контроля и применять их к лицам, которые склонны к совершению преступлений. К ним в частности относятся виновные, отбывающие наказание за хищения (кражи, грабежи, мошенничества, угоны), преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Особое внимание необходимо уделять лицам мужского пола, отбывающим наказание от 1 до 2 лет или от 2 до 3 лет, в возрасте 30–39 лет, 25–29 лет, не имеющим детей, не состоящим в браке, неработающим или работающим неофициально, ранее судимым или несудимым, но привлекавшимся к уголовной ответственности за хищения или преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Был судим условно или отбывал лишение свободы за совершение преступлений средней тяжести и тяжких.

Кроме этого, в п. 34 Приказа Минюста № 258 необходимо внести соответствующие изменения, дополнив его следующим содержанием: такое решение должно приниматься в основном в отношении осужденных, которые отбывают ограничение свободы за совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 158, 161, 166, 228 УК РФ. Особому контролю подлежат также лица мужского пола, отбывающие наказания от 1 года до 2 лет или от 2 до 3 лет, неработающие или работающие неофициально. Также ранее судимые или несудимые, но привлекавшиеся к уголовной ответственности за хищения или преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Был судим условно или отбывал лишение свободы за совершение преступлений средней тяжести или тяжких.

Следующий аргумент в пользу того, что СЭМПЛ не следует применять ко всем осужденным, основывается на том, что среди нарушений преобладают: неявка на регистрацию и административные правонарушения.

Более того, анализ нарушений осужденных, совершивших преступления в период отбывания ограничения свободы, также этот факт подтверждает. Так осужденные, совершившие преступления в период отбывания ограничения свободы, преимущественно не соблюдали обязанность по явке на регистрацию – 40 %, совершили административные правонарушения – 33 %, не явились по вызову инспекции – 33,3 %, объявлялись в розыск – 22,2 %. Однако среди этих лиц 55,6 % покинули место жительства в определенное время, 22,2 % выехали за пределы территории муниципального образования.

Следовательно, мониторинг необходимо применять к лицам, склонным к совершению преступлений, тем более, если ими совершены вышеуказанные нарушения. В остальных же случаях сам факт применения мониторинга, исходя из картины нарушений осужденных, должного эффекта не возымеет.

Безусловно, аналогичные аспекты должны быть исследованы и при применении домашнего ареста и запрета определенных действий. Решение рассматриваемых проблемных вопросов в данной сфере позволит осуществлять более эффективное применение и данных мер пресечения.

Таким образом, рассмотрение порядка применения электронного мониторинга позволяет констатировать, что он нуждается в определенной оптимизации с учетом поведения осужденных в период отбывания ограничения свободы, а в его основе должен лежать социально-криминологический прогноз поведения конкретных виновных. Эти вопросы актуальны и при реализации мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета

определенных действий, думается, что в какой-то мере знания, полученные в ходе изучения СЭМПЛ к осужденным, отбывающим ограничение свободы, могут быть экстраполированы и использованы при реализации вышеуказанных мер принуждения.

Список литературы:

1. Дегтярева О.Л. Основные показатели исполнения наказания в виде ограничения свободы в 2010–2014 годах [Электронный ресурс] // «NovaInfo» («НоваИнфо»). 2015. № 34. Режим доступа: <https://novainfo.ru/article/3562> (дата обращения: 12.02.2017).
2. Комбаров Р.В. Правовое положение лиц, осужденных к наказанию в виде ограничения свободы. дис. ... канд. юрид. наук. Вологда, 2014. С. 140.
3. Пропостин А.А., Никитин А.Д. Постпенитенциарный административный надзор : монография / Под ред. докт. юрид. наук, проф. В.А. Уткина. М. : Юрлитинформ, 2016. 192 с.
4. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]: офиц. сайт - Режим доступа <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074>.
5. Тепляшин П.В. Новый закон об уголовном наказании в виде ограничения свободы // Законность 2011 г. № 3. С.5.
6. Уткин В.А. Основания и пути модернизации системы наказаний // Вестник томского государственного университета. № 349. С.

УДК 347.191
DOI: 0000-0002-1227-6923

КОРПОРАТИВНАЯ ПРИРОДА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Тюменева Наталия Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права
ФГБОУ ВО «Саратовский государственный национальный исследовательский
университет им. Н.Г. Чернышевского»
Россия, г. Саратов

Аннотация. В статье речь идет об особенностях правового регулирования политических партий в качестве корпоративных субъектов. Автором проанализированы нормы законодательства о политических партиях и гражданско-правового законодательства, регулирующего деятельность некоммерческих (общественных) корпораций и правовой режим их имущества. На основе сравнительно-правового анализа особенностей политических партий, коммерческих корпораций и некорпоративных субъектов, автор пришел к выводу о том, что юридическая природа политических партий сложна и сочетает элементы коммерческих корпорация, прежде всего, хозяйственных обществ, а также признаки учреждений в связи с осуществлением имущественных прав политической партии и ее региональных отделений.